

Достижение результативности мер пресечения в уголовном судопроизводстве

Александр Дмитриевич Назаров*

Избрание и применение мер пресечения в уголовном судопроизводстве, особенно тех, которые существенно посягают на охраняемые Конституцией Российской Федерации права и свободы человека и гражданина – заключение под стражу, домашний арест, залог, запрет определенных действий (условно мы их называем «судебные» меры пресечения, так как все они избираются и применяются на основании судебного решения¹) всегда вызвали актуальный взгляд на них с позиций эффективности и результативности данных мер уголовно-процессуального принуждения.

В научных исследованиях часто говорят об эффективности каких-либо правовых явлений, в том числе и мерах уголовно-процессуального принуждения. К примеру, В.М. Корнуков эффективность мер пресечения определяет как «соотношение результатов, достигаемых применением этих мер, с целями, для достижения которых закон предусматривает их применение»². При этом эффективность мер пресечения связывается им с *главными* (успешное достижение целей избрания и применения мер пресечения) и *второстепенными* (предупредительное и воспитательное воздействие меры пресечения, минимальная стесненность в ограничении конституционных прав и свобод и др.) показателями.

* Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета.

¹ С.Б. Россинский домашний арест и заключение под стражу условно обозначает как «меры пресечения арестантского характера», залог – как «меру пресечения имущественного характера», подписку о невыезде и надлежащем поведении, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, а также личное поручительство и наблюдение командования воинской части – «меры пресечения обязательственного характера». См.: *Россинский С.Б. Уголовный процесс: учебник*. М.: Эксмо, 2009. С. 259–268.

² *Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве*. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978. С. 74.

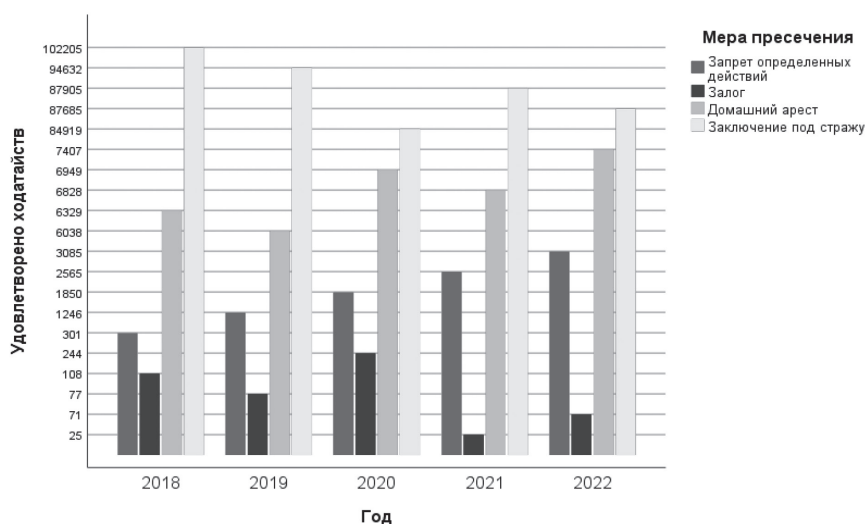
Понятие, показатели и условия эффективности мер уголовно-процессуального принуждения подробно исследовал З.З. Зинатуллин и пришел к выводу, что «эффективность понимается в теории и практике как результативность»³.

Взяв за основу классические подходы В.М. Корнукова и З.З. Зинатуллина в рассматриваемой проблеме, нам представляется важным основывать свои исследования о достижении результативности (безусловно – высокой, эффективной) избрания и применения мер уголовно-процессуального пресечения с главными (мы бы их именовали *основными*) показателями в связке с второстепенными (мы бы обозначили их *дополнительными*). Причем эти индикаторы результативности могут быть представлены и *количественно*, и *качественно*.

В практической деятельности избрание и применение мер пресечения не всегда выглядят идеальным: достаточно часто субъекты, ведущие уголовный процесс, допускают ошибки, и подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный нередко нарушают возложенные на них меры пресечения обязанности, ограничения и запреты. И если указанные выше участники уголовного процесса совершили новое преступление, скрылись от следствия и суда, не являясь по вызовам к субъектам, ведущим уголовный процесс, препятствуют установлению истины по уголовному делу, то все эти индикаторы (они количественно представлены в показателях судебной статистики) свидетельствуют о низкой результативности избранной в отношении них меры пресечения, а также следственных и/или судебных ошибках (в определенных случаях – и ошибках прокурора).

По аналогии с судебными ошибками при назначении уголовного наказания (чрезмерно сурового

³ *Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность (вопросы теории и практики)*. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1981. С. 19.

или чрезмерно мягкого) мы полагаем, что можно также вести речь об избрании *чрезмерно суровой* или *чрезмерно мягкой* меры пресечения. Соответственно, чтобы мера пресечения была результативной, то ошибки с ее чрезмерной суровостью или чрезмерной мягкостью должны быть своевременно выявлены, устранены и предупреждены (исправлены). Для этих целей выстроен и продолжает совершенствоваться уголовно-процессуальный механизм избрания и применения мер пресечения⁴.

Для избрания и применения самых строгих мер пресечения функционирует судебный механизм (в предложенной нами терминологии – судебный контроль в форме «арестного»⁵). Данный механизм предусматривает также возможность исправления судебной ошибки для достижения требуемой результативности в избрании и применении мер пресечения через особые процедуры апелляции, кассации и надзора.

В своих исследованиях мы предлагаем усложнение процедуры избрания и применения «судеб-

ных» мер пресечения через наделение прокурора полномочием «предсудебного» санкционирования вынесенных следователем постановлений по данным мерам пресечения⁶.

Не поставлена точка в дискуссии и по вопросу введения в уголовный процесс процессуальной фигуры следственного судьи, деятельность которого также связывают с повышением результативности в вопросах избрания и применения «судебных» мер пресечения⁷.

Безусловно, убедительным качественным и количественным показателем результативности «судебных» мер пресечения является проводимая в Российской Федерации уголовная политика на повышение распространенности в избрании и применении к подозреваемым, обвиняемым, подсудимым мер пресечения, альтернативных заключению под стражу. На диаграмме, приведенной ниже, отражены количественные данные об избрании судами мер пресечения за 2018–2022 гг.⁸

⁴ Мы солидарны с позицией С.Б. Россинского, что под *избранием* меры пресечения законодатель понимает принятие полномочным субъектом уголовной юрисдикции процессуального решения (постановления или определения) о ее применении к конкретному подозреваемому или обвиняемому (п. 13 ст. 5 УПК РФ), а применением меры пресечения является совокупность уголовно-процессуальных правоотношений, происходящих с момента ее избрания и до ее отмены (п. 29 ст. 5 УПК РФ). См.: *Россинский С.Б. Уголовный процесс: учебник*. М.: Эксмо, 2009. С. 255.

⁵ *Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: монография*. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 169–192.

⁶ См., к примеру: *Назаров А.Д.* Совершенствование баланса судебных, прокурорских и следственных полномочий по устранению следственных ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса // *Государство и право (Республика Армения)*. Т. 96. № 2 (2023). С. 28–34.

⁷ Из множества научных работ по тематике института следственного судьи обратим внимание на теоретическую концепцию этого института, предложенную профессором А.В. Смирновым: *Смирнов А.В.* Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе // *РАПСИ*. 2015. Международная ассоциация содействия правосудию (МАСП/UAJ).

⁸ Судебная статистика // Сайт судебного департамента при Верховном Суде РФ // <http://www.cdep.ru/?id=79/>.

Приведенные цифры и сама диаграмма наглядно показывают тенденцию на сокращение в применении арестов (заключение под стражу) и увеличение числа избраний домашнего ареста, запрета определенных действий и залога.

В контексте гуманистической направленности данной уголовной политики государство пытается также уберечь человека, в отношении которого до вступления приговора в законную силу действует презумпция невиновности, от негативного влияния тюремной субкультуры следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы и изоляторов временного содержания системы МВД, а также от применения в этих закрытых учреждениях «силовых» ведомств незаконного и недозволенного физического и психического насилия и даже пыток. Недаром Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ в ст. 286 УК РФ «Превышение власти» внесено два примечания:

«Примечания. 1. Под пыткой в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса понимается любое действие (бездействие), которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль либо физические или нравственные страдания, чтобы получить от него или третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера.

2. Не является пыткой причинение физических или нравственных страданий, которые возникают в результате правомерных действий должностного лица или другого лица либо неизбежно сопряжены с такими действиями».

Понятие «пытка» утратило законную силу в ст. 117 УК РФ «Истязание» и появилось в ч.ч. 4 и 5 ст. 286 УК РФ. Таким образом, несмотря на уход России из-под юрисдикции Европейского Суда по правам человека, наше государство усилило в своем национальном законодательстве международный стандарт борьбы с пытками в сфере уголовной юстиции. А это однозначно качественно сыграло на результативности применения во всех аспектах самой строгой меры пресечения, от которой пока невозможно полностью отказаться, – заключение под стражу и содержание под стражей. Более того, приведенная выше законодательная новелла не дает возможности даже под благородным предлогом борьбы с террористическими угрозами легаль-

но вернуться по примеру «западных демократий» к применению пыток в отношении террористов и других особо опасных преступников⁹.

Развитие трендов в повышении результативности мер пресечения находит и будет находить все новые направления. К примеру, идет широкое внедрение электронного слежения, искусственного интеллекта в отношении подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, находящихся под домашним арестом, запретом определенных действий и др.¹⁰

Есть и другие важные, интересные и пока не реализованные проекты в достижении результативности мер пресечения. Так, практически во всех субъектах Российской Федерации в системе органов внутренних дел функционируют Центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП)¹¹. В них в определенных законом случаях на основании судебного решения, как правило, на срок до 30 суток помещают несовершеннолетних правонарушителей. Суды в силу различных причин очень избирательно принимают решения о помещении подростков в такие ЦВСНП, а поэтому примерно на 90% такие центры пустуют, хотя в их штате есть воспитатели, психологи, медицинские работники, учителя и другие сотрудники. Эти учреждения, где проживают под контролем специального персонала несовершеннолетние, далеки от специфики следственного изолятора и у детей нет контактов со взрослыми подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными. Мы сторонники того, чтобы создать нормативную базу и практику избирать в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых меру пресе-

⁹ См.: Романовский Г.Б., Романовский В.Г. Трансформация запрета пыток в условиях нарастания террористических угроз // Вестник СПбГУ. 2022. Т. 13. Вып. 3. С. 519–616.

¹⁰ Концептуальные вопросы развития цифровых технологий в уголовном судопроизводстве с научных позиций комплексно рассмотрены профессором Л.Н. Масленниковой. См., например: Масленникова Л.Н. К вопросу о первых результатах реализации научного проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий» // Lex russica. 2020. Т. 73. № 1. С. 70–87; Масленникова Л.Н. Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий. Международная ассоциация содействия правосудию (МАСП/IAJ).

¹¹ О деятельности ЦВСНП см., например: Скворцова Е.В., Слободчикова Ю.В., Белькова А.В. Центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей как субъект профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. С. 129–139 // <https://cyberleninka.ru/article/n/tsentr-vremennogo-soderzhaniya-nesovershennoletnih-pra/>.

чения в виде домашнего ареста и помещать их в ЦВСНП. Сотрудники ЦВСНП готовы к применению данной меры пресечения, и такой домашний арест для несовершеннолетних правонарушителей явно гуманен и результативен, чем их содержание под стражей в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы и в изоляторах временного содержания системы МВД.

В своей служебной деятельности дознаватели, следователи, их ведомственные (процессуальные) руководители, а также прокуроры, при решении вопроса об избрании меры пресечения не могут не принимать во внимание требуемые высокие показатели результативности этих мер, проявляют заинтересованность (и даже прогнозируют), чтобы подозреваемые, обвиняемые не совершили во время расследования новых преступлений, не скрылись от расследования и суда, дисциплинированно и своевременно являлись по их вызовам на допросы и для проведения иных процессуальных действий, не препятствовали устанавливать истину по уголовному делу. В проводимых нами исследованиях отмечается даже стремление этих субъектов, ведущих уголовный процесс, применить более строгие меры пресечения к подсудственным вплоть до заключения под стражу, подчас указать для этих целей в своих постановлениях «завышенную квалификацию» («квалификацию с запасом») инкриминируемых этим лицам общественно-опасных деяний, отдавая при этом на откуп суду (если это «судебные» меры пресечения) принятие финального решения по окончательной мере пресечения.

Суд (судья) по большому счету при вынесении своего решения по мере пресечения лицу не связан вопросами дисциплинарной ответственности за последующие нарушения подозреваемым, обвиняемым, подсудимым и осужденным обязательств, обязанностей и запретов избранной и примененной к ним меры пресечения. В определенных случаях при ошибках судьи в избрании и применении меры пресечения наступает уголовно-процессуальная ответственность в виде апелляционной, кассационной и надзорной коррекций принятого судьей по существу решения о мере пресечения.

Полагаем, что такой подход является правильным – решение судьи по уголовно-процессуальной мере пресечения должно быть законным, обоснованным, мотивированным и справедливым, а по-

следующие негативные отклонения в применении этих мер пресечения должны оставаться за рамками судебного решения. И такие отклонения лишь в необходимых (экстраординарных) случаях могут быть предметом рассмотрения квалификационных коллегий судей или в крайних случаях – следственных органов.

Таким образом, достижение высокой результативности в избрании и применении субъектами, ведущими уголовный процесс, уголовно-процессуальных мер пресечения является важным направлением уголовной политики и связано с надлежащим функционированием организационного и уголовно-процессуального механизма, задействованного в этих процедурах.

Библиографический список

1. *Зинатуллин З.З.* Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность (вопросы теории и практики). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1981.
2. *Корнуков В.М.* Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978.
3. *Масленникова Л.Н.* К вопросу о первых результатах реализации научного проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий» // *Lex russica*. 2020. Т. 73. № 1.
4. *Назаров А.Д.* Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: монография. М.: Юрлитинформ, 2017.
5. *Назаров А.Д.* Совершенствование баланса судебных, прокурорских и следственных полномочий по устранению следственных ошибок на досудебных стадиях уголовного процесса // *Государство и право (Республика Армения)*. Т. 96. № 2 (2023).
6. *Романовский Г.Б., Романовский В.Г.* Трансформация запрета пыток в условиях нарастания террористических угроз // *Вестник СПбГУ*. 2022. Т. 13. Вып. 3.
7. *Россинский С.Б.* Уголовный процесс: учебник. М.: Эксмо, 2009.
8. *Скворцова Е.В., Слободчикова Ю.В., Белькова А.В.* Центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей как субъект профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // <https://cyberleninka.ru/article/n/tsentr-vremennogo-soderzhaniya-nesovershennoletnih-pra/>.
9. *Смирнов А.В.* Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе // *РАПСИ*. 2015. Международная ассоциация содействия правосудию (МАСП/IAJ).